

Вадим Фёдоров

17

Вадим Фёдоров

17. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Фёдоров В.

17. Сборник рассказов / В. Фёдоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856317-1

Сборник небольших рассказов. В лаконичной и присущей только ему манере автор рассказывает истории из жизни. О любви и дружбе, о жизни и смерти, о преданности и измене.

ISBN 978-5-44-856317-1

© Фёдоров В.
© Издательские решения

Содержание

День рождения	6
Миротино	11
Карабула	16
Шанхай	22
Ленка	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

17

Сборник рассказов

Вадим Фёдоров

Где твои 17 лет?

На Большом Каретном.

Где твои 17 бед?

На Большом Каретном.

Где твой чёрный пистолет?

На Большом Каретном.

А где тебя сегодня нет?

На Большом Каретном.

В. С. Высоцкий

Иллюстратор Анастасия Фёдорова

Фотограф Татьяна Оськина

© Вадим Фёдоров, 2017

© Анастасия Фёдорова, иллюстрации, 2017

© Татьяна Оськина, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-6317-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

День рождения

Было это давно. За год или два до московской Олимпиады. Родители переехали со Ставрополя в Тульскую область. Вдруг. Неожиданно и быстро.

Я попрощался со своими друзьями, двумя Славками. Получил от них в подарок набор открыток о космосе. И отбыл вместе с семьёй к новому месту жительства. Богородицкий район. Недалеко от Куликова поля. Посёлок Румянцево.

Именно в этом посёлке и располагалась школа, в которую ходили дети как с самого Румянцева, так и с окрестных деревень.

Новенькому всегда сложно. Сложно вписаться в уже существующий коллектив, занять своё место в классе. Да и к тому же роста я, мягко говоря, был невысокого. Метр с кепкой.

Поэтому мне сразу же навалили. В первый же день. Ну как навалили. Кто-то толкнул, кто-то подставил подножку. Я и грохнулся. Встал. Отряхнулся. Кто толкнул, непонятно. Ну да ладно.

В классе я старался быть ниже травы, тише воды. Присматривался. Присматривались и ко мне.

За три месяца, проведённых в новой школе, случилось несколько стычек с одноклассниками. Без драки, но неприятных. Друзей у меня не было. Так что заступиться за меня, если что, тоже было некому.

А в начале декабря у нашей отличницы Танечки Макаровой случился день рождения. И не простой, а особенный. Жила Таня с родителями не в посёлке, как остальные дети, а на небольшом хуторе на опушке леса. Отец Тани работал егерем. И жильё у него было поближе к работе. Громадный деревянный дом. Рядом ряд сараев. И огромные сосны, полукругом обступившие всё это хозяйство.

Родители Тани пригласили весь класс к себе в дом. Наготовили еды, накупили напитков. И уехали к знакомым, предоставив молодёжи развлекаться в своё удовольствие. С условием – никакого алкоголя и табака.

Для 12-летних подростков это было настоящее событие. Одни, без взрослых. С ума сойти.

Свой день рождения я не любил.

И виноваты в этом были родители. Когда мне должно было исполниться 10 лет, они решили отметить это событие. Позвали гостей. Взрослых. 10 человек. И несколько детей, которых я до этого знать не знал.

Взрослые спросили у родителей: «Чем увлекается мальчик?» «Читать любит, – ответили родители, – лучшим подарком для него будет книга».

А с книгами в то далёкое социалистическое время была напряжёнка. Мало их было в продаже. Но кое-что было.

Я с нетерпением дождался своего дня рождения. Мама накрыла стол. Отец подарил ей цветы. Потом они торжественно вручили мне прямоугольный свёрток, в котором оказалась книжка Станюковича «Беспокойный адмирал».

Я поблагодарил родителей и принялся было разглядывать книгу. Но в прихожей зазвонил звонок. Пришли первые гости. Я отложил книгу и пошёл в прихожую встречать гостей.

Гости, здоровенный дядька и его маленькая жена, пришли с ребёнком, пятилетним пацаном, который сразу же нашёл общий язык с моими младшими братьями и ушёл играть с ними в соседнюю комнату.

Здоровенный дядька сунул мне в руки книжку. Знакомая обложка. Станюкович, «Беспокойный адмирал».

Я аккуратно положил две одинаковые книжки к себе на письменный стол и пошёл встречать очередных гостей.

Кто-то приходил парами. Кто-то приводил с собой детей. Но дети были или старше меня, или намного младше. Общаться мне было не с кем.

Затем гости сели за стол. За взрослый стол, где были закуски и спиртные напитки. А нас, детишек, посадили за стол поменьше, с тортом и чаем.

Попили, поели.

Взрослые вели оживлённые разговоры, говоря всё громче и громче. Дети помладше переместились в детскую играть в свои малышовые игры. Те, кто постарше, ушли на улицу.

Я остался один за своим письменным столом, на котором стояла стопка одинаковых книжек. 11 «Беспокойных адмиралов» Станюковича.

С тех пор я свои дни рождения не люблю. Неуютно я себя чувствую. Зато чужие праздники мне всегда нравились. Подарил подарок и развлекайся в своё удовольствие.

А тут не просто день рождения. А день рождения без взрослых. И с танцами.

Родители Танечки к празднику подготовились основательно: нарубили салатов, сделали селёдку под шубой, привезли из города два ящика шипучки. Всё приготовили, расставили, разложили, приняли гостей, пересчитали всех нас и уехали до вечера к родственникам.

Собрался практически весь класс. Человек 25. Девочки были в нарядных платьях, мальчики в новеньких сорочках и свитерах. Смотрелись мы совсем по-другому, чем в школе.

Каждый подарил имениннице подарок. Я принёс один из экземпляров «Беспокойного адмирала». Это была предпоследняя книга, которая у меня осталась в наличии. Девять экземпляров я уже довольно успешно подарил своим сверстникам на их дни рождения. Сам я, кстати, эту книгу так и не прочитал. И, наверное, так никогда и не прочитаю.

– Желаю тебе здоровья и быть умной девочкой, – сказал я Тане и протянул ей подарок.

– Спасибо, – ответила одноклассница и спросила: – Интересная книга?

– Очень, – честно соврал я, – прочитаешься.

Таня кивнула, поблагодарила меня и пригласила в дом.

Из прихожей я попал в большую комнату, где вдоль стенки стояло несколько столов, уставленных тарелками с едой. Столы тянулись в другую комнату поменьше. Как-то так получилось, что в меньшей комнате обосновались мальчишки. Была ещё одна комната в доме, которую оккупировали девчонки. Они устроили там раздевалку.

Большая часть большой комнаты была пустой. В углу стоял журнальный столик с проигрывателем и кипа пластинок: Як Йола, Алла Пугачёва, София Ротару. Иностранные исполнители были представлены Карелом Готтом и Анной Герман.

Расселись за столами. Перекусили.

Разбились на группы. Точнее говоря, на две группы. По гендерному признаку.

Девчонки крутились около проигрывателя. Мы, сильная половина класса, столпились в маленькой комнате. Делая вид, что ещё не все салаты попробовали и что нам надо о чём-то срочно поговорить.

Кто-то поставил пластинку «Когда цвели сады». Дом наполнился музыкой и пронзительным женским сопрано, от которого побежали мурашки по коже.

Наступило время танцев. И кому-то надо было сделать первый шаг – пригласить одну из девочек.

– Ну что? Кто первый пойдёт? – вдруг подал голос самый хулиганистый из класса, Арик Мартиросян. – Кто самый смелый?

Народ промолчал. Смелых не оказалось.

– Именинницу не приглашать, – вдруг хриплым голосом продолжил Мартиросян, – я её сам приглашу. А кто пригласит, ноги сломаю.

И почему-то покраснел.

– Вот и приглашай, – посоветовал ему один из одноклассников.

– Потом, – глядя куда-то в сторону, сказал Арик, – надо сначала разогреться.

Но разогреться не получалось. Все трусили, поглядывая на стайку наших девчонок, толкающихся и хихикающих у противоположной стены. Девчонки стреляли по нашей оробевшей толпе глазками и о чём-то шушукались, ожидая, когда хоть кого-то из них пригласят на танец.

Но желающих первым пересечь импровизированный танцпол и пригласить на танец девочку среди сильной половины класса не было.

Вместо Герман зазвучала Пугачёва. Пауза затягивалась. Неприлично затягивалась.

И тут я решился.

– Кто из девчонок танцевать умеет? – спросил я, нарочито медленно вытирая руки о льняную салфетку.

Все посмотрели на меня.

– Ленку Ковальчук на бальные танцы родители в Богородицк возят, – сказал кто-то, – раз в неделю.

Ленка стояла с краю от основной кучки девчонок и о чём-то говорила со своей подружкой Верой.

Я встал, отряхнул с себя невидимые пылинки и пошёл в сторону Ленки.

Музыка смолкла. Кто-то лихорадочно менял пластинку, чтобы поставить медленный танец.

Я пересёк комнату на негнущихся ногах. Подошёл к Ленке.

Глаза у неё расширились. Лицо пошло красными пятнами.

– Лена, разрешите пригласить вас на танец, – неожиданно громко и звонко сказал я.

Ленка сглотнула. Криво улыбнулась.

– Я не танцую, – вдруг так же звонко выдала мне в ответ и захлопала своими ресницами.

Рядом кто-то охнул. В мужской половине кто-то вполголоса выругался.

Я топтался перед Ленкой, как дурак, и не знал, что делать. По спине тёк пот. Горло пересохло. Внезапно захотелось в туалет.

Наконец, я глубоко вздохнул. Что-то промышчал про следующий раз и направился в сторону прихожей.

Там я схватил чью-то тёплую куртку и вывалился во двор. Следом за мной вышли два брата-близнеца, Вовка и Юрка. На дворе лежал утоптаный снег. Было морозно. Вечерело.

– Вот она тебя отшила, – сказал Юрка и похлопал меня по плечу.

– Не переживай, – поддержал брата Вовка.

– А где тут туалет? – спросил я их.

– В доме, – ответил Юрка. – Но если поссать, то за углом можно, у сараев. Пошли с нами.

И мы втроём пошли вдоль стены за дом по утоптанному снегу.

Между домом и сараями стояла громадная сосна. Её основание было засыпано снегом. К этому сугробу мы и подошли.

Подошли, расстегнули свои штаны и не спеша помочились, растапливая горячей мочой холодный снег причудливыми узорами. Я попробовал нарисовать на сугробе сердце, но хватило меня только на половину картинки.

Вдруг за углом раздался голос нашей старосты класса, Ларисы Коротких.

– Где Вадик? – спросила она у кого-то.

– С близнецами за угол пошёл, – ответили ей.

Мы резко прекратили наши художества и принялись застёгивать брюки. Вовка с Юркой справились мгновенно. А вот у меня заело молнию, в которую попала рубашка.

Я дёрнул молнию раз, другой. Отвернулся к сугробу. Запахнулся курткой. Предстать перед девчонкой с расстёгнутой ширинкой было бы очередным унижением после отказа потанцевать.

За спиной раздались чьи-то шаги.

– Вадик, – услышал я голос Ларисы, – ты что тут? Ты не переживай.

– Я не переживаю, – пробурчал я, стараясь сильнее закутаться в куртку.

– А что вы тогда тут делаете? – задала очередной вопрос Лариса.

– За белками наблюдаем, – вдруг отозвался Юрка, – они тут территорию метят. А мы следим за их поведением. Вон сугроб видишь? Пометили его весь.

И мы все посмотрели на сугроб. Сугроб и действительно был весь в жёлтых дырках. Видимо, до меня с близнецами его уже кто-то посещал.

– Это белки сделали? – спросила Лариса.

– Ну не мы же, – отозвался Юрка. – У них сейчас самое время, для того чтобы территорию метить.

– Да при чём тут белки? – вдруг рассердилась Лариса. – Что вы мне голову морочите? Я насчёт танцев. Мы тут с девочками поговорили с Ковальчук. Она не это хотела сказать. Она растерялась.

– И чё? – спросил я, глядя на сугроб.

– Возвращайся, вот чего, – сказала Лариса. – Она тебя сама пригласит. Не бойся.

– А я и не боюсь, – сказал я, по-прежнему разглядывая сугроб.

В расстёгнутую ширинку задувало. Становилось холодно.

– Между прочим, белки переносят бешенство, – вдруг продолжил свою зоологическую тему Юрка, – очень опасная болезнь.

– Да ну вас, – проворчала Лариса. – Вадик, ждём тебя в доме.

Сзади захрустел снег. Я оглянулся. Лариса скрылась за углом.

Я посражался с заевшей молнией ещё с полминуты и всё-таки застегнул её.

Продрогшие, мы зашли в дом. Скинули куртки, протиснулись в мужскую комнату. Мне пододвинули стул. Кто-то протянул бутылку «Колокольчика».

Я налил шипучий лимонад в стакан и принялся его смаковать. Пузырящийся напиток приятно освежал горло.

Рядом сидели и стояли мои одноклассники и чего-то ждали. Девчонок нигде не было видно. Они все собрались в своей комнате, откуда доносился гул голосов.

– Может, они её там бьют? – вдруг спросил Мартиросян.

– Кого? – удивился я.

– Балерину твою, – сказал кто-то.

Ребята рассмеялись.

В этот момент вдруг открылась дверь из девчачьей раздевалки. Наши девчонки вышли оттуда с серьёзными лицами и опять сгруппировались возле проигрывателя. Последней вышла Лена Ковальчук и направилась прямо к нашему столу. Ребята расступились перед ней. Она подошла ко мне, сидящему на стуле. Глаза у неё и правда были заплаканы.

Все замолчали.

Лена улыбнулась мне.

– Вадик, можно пригласить тебя на танец? – спросила она и замолчала в ожидании ответа.

Остальные смотрели на нас и тоже молчали.

Я заглянул в пустой стакан. Глядя куда-то в сторону, взял новую бутылку «Колокольчика», стоявшую на столе. Открыл её, наполнил стакан, выпил до середины.

Все молчали. Было слышно, как пузырьки газа лопаются на стенках стакана и у меня в горле.

Я перевёл взгляд на Лену. Она стояла и хлопала своими ресницами.

– Не видишь, что ли, я занят, – небрежно бросил я ей.

Класс выдохнул. Одновременно все.

Лена всхлипнула. Закрыла лицо руками и убежала куда-то.

– Красавчик, – заорал вдруг один из близнецов, – мужи-и-и-ик.

– Танцуют все, – вдруг рявкнул Арик Мартиросян и ринулся в большую комнату.

За ним устремились остальные пацаны. Танцевать.

Началось веселье.

Лишь где-то плакала несчастная Ленка.

К ней навсегда приклеилась эта кличка – Балерина.

А я сидел за столом и пил лимонад. И глупо улыбался.

Коллектив принял меня в свои ряды.

Миротино

Когда я был маленький, наша семья часто переезжала с места на место. И не потому что это была семья военного. Нет. Сугубо гражданские люди. Но переезжали часто. Вначале, когда мне было 3 годика, снялись с места и переехали на Ставрополье.

На Ставрополье прожили почти 10 лет. Родители как многодетные получили 4-комнатную квартиру. У них была хорошая высокооплачиваемая работа. Я с братом ходил в музыкальную школу. У нас были друзья. Устоявшийся круг общения.

Я до сих пор не понимаю, для чего было уезжать из этого круга. Как и не понимаю, для чего было уезжать из Алма-Аты, где я родился. Какая-то неведомая сила гнала моих родителей. Причём новое место жительства почему-то всегда было хуже предыдущего.

Когда я вырос, я задавал этот вопрос про смену места жительства. И ни разу не получил внятного ответа. Точнее, ответы были, но это было похоже на отговорки.

– Почему мы уехали из Алма-Аты?

– Потому что ты часто болел, сынок. Там плохой климат.

– Почему мы уехали со Ставрополья?

– Потому что там зимы без снега, сынок. Без снега. Дождливые и грустные.

А где у нас снег? Правильно. В Тульской области зимой много снега. Именно туда мы и поехали.

Точнее, вначале туда отправился отчим. Он каким-то образом узнал, что в Заокском районе есть деревня Миротино. И что там есть вакансия на должность заведующего котельной, на которую он и устроился. Справил все необходимые бумаги и вернулся за семьёй – за женой и шестью сыновьями. Я был неродным. Старшим. Остальных мама рожала ему раз в два года по младенцу мужского пола.

Отчим приехал, рассказал о прекрасной русской зиме, и мы принялись собирать вещи. Мне шёл 13-й год. А на дворе была предолимпийская зима восьмидесятого года. Февраль.

Но переезд не прошёл гладко. Что-то не сложилось. То ли кто-то из младших заболел, то ли у отчима на работе с увольнением сложились проблемы и его обязали отрабатывать положенные два месяца. Но первыми в заснеженную тульскую деревню поехали я, мама и мой брат Вася. Васе на тот момент было 3 или 4 года.

Ехали мы долго. Вначале до Москвы на поезде. Пейзаж за окном менялся, как и рассказывали родители, с осенней хляби на заснеженные поля.

Из Москвы до станции Пахомово мы ехали на электричке. Три часа. В электричке было холодно и постоянно откуда-то дуло.

На станции до конечного пункта мы добирались на машине с брезентовым верхом. Это была местная разновидность рейсового автобуса. В нём было ещё холоднее. Но не дуло.

Приехали в деревню. Выгрузились. Снега действительно было много. Он искрился на солнце и скрипел под ногами.

Зашли в местный сельсовет, где выяснилось, что жильё для нас готово. Но оно холодное. Надо протопить. И вообще, дров напилить и наколоть.

Чтобы мы не мёрзли на улице, нас отвели к соседям погреться.

Вышли из сельсовета. Прошлись по деревне, по единственной улице, расчищенной от снега трактором. Наш дом оказался крайним. Около него суетился какой-то мужичок с брёвнами и бензопилой.

Меня с Васей завели в предпоследний дом. Мать сняла с нас верхнюю одежду и куда-то убежала.

Мы с братом вошли в большую комнату. Посередине комнаты стоял стол. В углу гудела печка, потрескивая горящими дровами. В комнате было грязно и воняло. По углам короткими перебежками сновали тараканы.

Кроме нас в комнате обнаружилось ещё четверо детей от года до семи лет роду. Все они были одинаковыми: большие удлинённые черепа, глаза навывкате, короткие ноги и руки. И все были лысыми. Самый младший ползал по брошенному на пол одеялу в углу комнаты. Остальные возводили вокруг этого одеяла укрепления из подушек и стульев, чтобы малый не уполз из своего угла.

Дети с интересом уставились на нас.

– Вы кто такие? – спросил старший из них.

– Мы новенькие, – пояснил я, – соседи ваши.

Старший хмыкнул и витиевато выругался. Матом.

Это произвело на меня впечатление. Мат я слышал за свою жизнь пару раз от старших ребят во дворе. А тут вдруг пацан младше меня в два раза использовал ненормативную лексику как будто само собой разумеющееся.

– А мы Росляковы, – поковырявшись в носу, сказал старший. – Девки наши в школе. Мамка на ферме. Меня Вовка зовут.

– А отец где? – зачем-то спросил я.

– Отец тоже на ферме, – ответил Вовка и опять залез пальцем в нос.

В это время один из мальцов подошёл к ведру, стоявшему около входа, снял штаны и пописал туда. Судя по звуку, ведро было наполовину полным. Запахло смрадом. Судя по всему, в ведро ходили не только по-маленькому.

– А туалет у вас где? – спросил я.

– На улице, но там холодно, – ответил Вовка и добавил: – Будете с нами играть? В тюрьму.

– Спасибо, – вежливо ответил я, – я не хочу.

Вася тоже отказался играть. Судя по всему, он просто-напросто испугался лысых яйцеголовых, похожих на инопланетян.

Мы сели с ним около стола и стали ждать маму.

– А почему вы лысые? – спросил я спустя час.

Молчать надоело. Мы согрелись. Да и запах из помойного ведра был уже не такой ужасный.

– У нас вши были, – сказал Вовка, – вот нас мамка и постригла. А потом ещё и побрила.

– А вши это что? – спросил его мой брат.

– Это такие букашки, – ответил Вовка, – они в волосах от грязи заводятся.

– Очень интересно, – сказал Вася. – А что другие твои братья не разговаривают?

– Не умеют ещё, – авторитетно сказал Вовка, – маленькие.

И добавил пару матерных слов, характеризующих его братьев.

– Понятно, – сказал мой 4-летний Вася и замолчал.

Мама пришла за нами, когда на улице уже стемнело и в дом Росляковых вернулись три старшие сестры с такими же лысыми вытянутыми головами.

– Пошли домой, – сказала она нам, – там тепло уже. Дров напилили.

Мы сказали семье Росляковых «до свидания» и перешли в соседний дом, где нам предстояло жить.

Мама сразу же уложила нас спать. Кровати не было. Было два спальных мешка и чья-то шкура. То ли оленя, то ли коровы. В один из мешков залезла мама. В другой я с братом. Уснули все сразу, утомлённые длинным днём и холодом.

Проснулись поздно.

Мать растопила печь. Накормила нас. Сходила в местный магазин, принесла два пакета продуктов.

– Сынок, – сказала она, – мне надо уехать. За остальными. Через два дня мы вернёмся. Я попросила дядю Серёжу, который дрова нам попилил, чтобы он за вами присмотрел. Ты уже взрослый. Проследи за Васей. Хорошо?

– Хорошо, – сказал я. – А когда ты вернёшься?

– Я же сказала, через два дня, – ответила мама. – Правда, тут здорово?

– А туалет тут тоже во дворе? – спросил я.

– Во дворе, – кивнула мать, – но вы можете ведро поставить в комнате и в него ходить. А потом выплеснуть. Обещают морозы.

– Мама, а зачем мы сюда переехали? – спросил я. – У нас же была квартира. И туалет в квартире. И дети там не ругаются. И друзья у меня там остались.

– Заведёшь тут себе новых друзей, – сказала мама.

Она поцеловала нас и уехала. А мы с Васей остались.

Днём я топил печку и смотрел в окно. За окном было солнце и много снега. В стороне от нашего дома строители что-то сооружали. Наверное, ещё один дом.

Вечером мы легли спать. Теперь у нас у каждого был свой спальный мешок.

Вася попросил рассказать сказку. Я рассказал. Про девочку Машу и трёх медведей. Вася слушал мою сказку, слушал и уснул. За ним уснул и я.

Проснулись мы ранним утром от холода. Дрова прогорели, печка затухла.

По дому гулял ветер. Дом был сборно-щитовой. И построили его, судя по всему, недавно. Везде дуло.

Я вышел во двор. Рядом с входной дверью был прибит термометр. Показывал он минус 26 градусов.

Я схватил охапку дров и забежал в дом. Затем ножом состругал с одного полена мелких щепок, побросал их в печку, положил газету, сверху добавил тонких поленьев.

Поджечь дрова и растопить печку мне удалось только с третьего раза, когда вся имевшаяся в доме газета уже была использована, а в коробке осталась только одна спичка.

Вася всё это время сидел в спальном мешке и следил за моими действиями.

– Нельзя, чтобы печка гасла, – сказал он.

– Молодец, соображаешь, – похвалил я его.

Постепенно комната наполнилась теплом. Вася вылез из мешка и принялся помогать мне готовить есть.

Из еды у нас были макароны, три буханки хлеба и стеклянная банка зелёного горошка. Были ещё банки с тушёнкой. Но мама забыла оставить нам консервный нож.

Мы поели хлеба. Я попытался сварить макароны. Получилось не очень, поэтому мы их отложили на потом.

Весь день сидели с братом и смотрели в окно, жуя хлеб.

За окном был снег. И рабочие. Было уже точно видно, что они строят дом по соседству с нами. Рабочие постоянно матерились. Я за всю предыдущую жизнь не слышал столько мата.

Вечером рабочие ушли. И у нас закончились дрова.

Обещанный дядя Серёжа не пришёл. Вообще никто не пришёл. Всем было наплевать, что в крайнем доме живут два ребёнка. Или просто никто не знал про нас, а дядя Серёжа забыл? Не знаю.

Закинув в печку последнее полено, я оделся. Натянул шапку поглубже и вышел на улицу. Было холодно. Очень и очень холодно. Холоднее, чем днём. В мои ботинки сразу же набился снег.

Переваливаясь через сугробы, я пробрался к строительной площадке. Там лежали плиты, доски и бруски, из которых возводился дом.

Я выбрал длинные деревянные рейки и потащил парочку из них в сторону своего дома. Протащил пару десятков метров и понял, что не осилю такую ношу.

Бросил один брусок, второй дотащил до дома. Вернулся за вторым. Сделал ещё несколько ходок.

Чувствуя, что замерзаю, ввалился в дом, волоча за собой один из брусков.

Вася встретил меня с заплаканными глазами.

– Я думал, что ты замёрз, – сказал мне брат.

– Я тоже думал, – сказал я, стараясь разжать оковеневшие пальцы.

– А я в сумке чай нашёл, – обрадовал меня Вася. – Начал вещи собирать в поход, чтобы за тобой идти. И пачку чая нашёл.

– Молодец, – похвалил я брата.

В печи догорало последнее полено.

Топора у меня не было. Пилы тоже. Пила и топор были у далёкого дяди Серёжи.

Тогда я положил брусок на порог и прыгнул на него. Брусок сломался. Я отломил кусок бруска и засунул его в печь.

Опять прыжок. Треск. Кусок бруска как раз по размерам для печи.

Наломав таким образом дров, я с братом попил чай и лёг спать.

Ночью я периодически вставал и подбрасывал в печь парочку-другую брусков, из которых должны были строить дом рядом с нашим.

Утром мы встали, поели хлеб, попили чай, пожевали окаменевшие макароны.

Я сходил во двор в туалет. Но туалет был занесён всё тем же снегом. Пришлось помочиться рядом. Вася составил мне компанию. Мочиться в ведро он отказался из солидарности.

Термометр показывал всё те же минус двадцать пять.

– Это много? – спросил брат.

– Очень, – ответил я. – Разве сам не чувствуешь?

– Чувствую, – сказал Вася и поспешил в дом.

Остаток дня мы сидели у окна, слушая мат рабочих и изредка подбрасывая в печку бруски.

Ночью я опять отправился за топливом. Натаскал брусков с запасом, чтобы не экономить. Затем ломал их, прыгая со всего размаха на эти самые бруски.

Родители с остальными братьями приехали на пятый день. То ли билетов на поезд не было, то ли ещё что-то.

К этому времени мы съели весь хлеб и все макароны.

Моя правая нога от постоянного долбления по сворованным брускам с соседней стройки распухла и болела.

Странно, но строители так и не хватились этих брусков.

– Ну как вы тут? – спросила мама.

– Вадик мне каждую ночь сказки рассказывал, – похвастался брат, – и каждый раз новые.

– Молодцы какие, – обрадовалась мама. – Вот ногой ты зря дерево ломал. Может трещина в кости образоваться.

– А мне нечем было дрова рубить, – попробовал оправдаться я.

– Надо было дядю Серёжу попросить, – возразила мама, – он бы напил и нарубил.

– Дяди Серёжи не было, – сказал я, – а спичка у нас оставалась одна.

– К соседям бы сходили, – махнула рукой мама, – двадцать метров идти-то всего.

– У них вши, – сказал Вася, – и они писают в ведро. А мы не такие.

Я промолчал.

В конце концов, всё обошлось же. Да и нога после йодистых сеток перестала болеть, и опухоль прошла.

Спустя несколько дней, когда быт постепенно начал налаживаться, я спросил маму:

– Зачем мы сюда приехали?

– Тут настоящая зима, – как заклинание, начала повторять мама, – снег вон какой. Настоящие морозы. Не то что там, где мы жили.

– И до Москвы всего 150 километров, – поддакнул ей отчим.

Когда я вырос, я понял, что он был обыкновенным подкаблучником, который делает только то, что хочет его прекрасная половина. И оправдывает её и свои поступки, не задумываясь. Это очень удобно было – свалить всё на зиму и близость Москвы.

Так этот вопрос и остался открытым. Никто мне на него не ответил.

А я... Я постепенно привык к местным нравам и вездесущему мату. Завёл приятелей в школе. Дёргал девчонок за косы. Потихоньку рос. Обычным мальчишкой.

Когда окончил 8 классов, то уехал учиться. В город. И больше не возвращался.

Родители же до сих пор живут в этой деревне. Они уже старенькие.

А у меня при сильных морозах иногда болит правая нога.

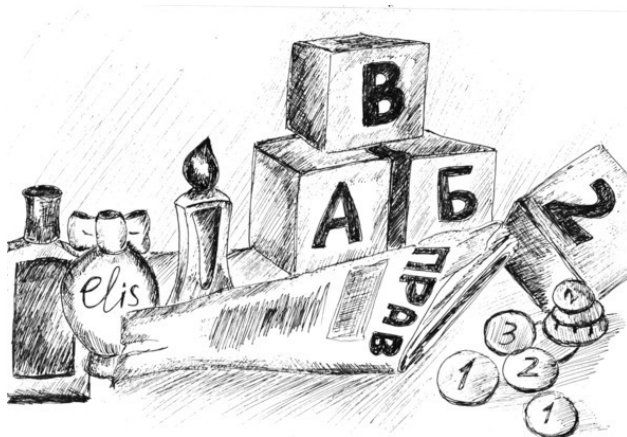
Это как напоминание о тех пяти днях, когда я с братом сидел в занесённом снегом сборно-щитовом доме.

Сидел и рассказывал ему сказки.

Вначале те, которые читал в книгах.

А потом стал придумывать свои.

Карабула

Володе, или, как его ласково называла мама, Вовочке, шёл шестой год, когда его семья переехала в посёлок Карабула.

Семья – это мама, папа, брат Женька и сам Вова.

А Карабула – это село, состоящее из двух улиц в тайге, в Красноярском крае. Рядом протекала небольшая речка с тем же названием. Народ в посёлке работал в основном на железнодорожной станции и на лесозаготовке. Один магазин.

Володе понравилось само название. Карабула. Что-то таинственное и загадочное.

Хотя сам посёлок из себя ничего особенного не представлял: ряд деревянных домов, сразу за ними тайга.

В тайге росли высокие деревья и красивые громадные мухоморы.

И ещё муравьиные домики, сложенные маленькими насекомыми из веточек и еловых иголок. Можно было взять стебелёк. Обслюнявить его и засунуть в самую гущу муравейника. Через несколько минут вытащить его. Стряхнуть особенно смелых мурашек и полакомиться муравьиной кислотой, оставшейся на стебельке.

Но походы к муравьям быстро закончились. Внезапно выпал снег, который спрятал и мухоморы, и муравейники, и тропинки, ведущие в лес.

Вова и Женя целыми днями сидели дома. Детского сада в селе не было. Родители с утра до вечера были на работе.

Вова оставался в доме за старшего. Следил, чтобы Женька не уполз из огороженного для него угла куда-нибудь. В обед кормил его и себя тем, что утром приготовила мама. В остальное время Вовочка готовился к школе, в которую он собирался отправиться в следующем году.

– Я не могу всю жизнь быть нянькой для младшего брата, – заявил он как-то родителям, – мне образование надо получить.

– Может, как все, в семь лет пойдёшь? – попробовала возразить мама.

– Нет, – не согласился Вова, – два года ждать я не буду. Я и так уже читать умею. Осталось с арифметикой разобраться, и можно поступать в школу.

Читать Володю научила бабушка, с которой они жили до отъезда в Сибирь в Алма-Ате.

Читал Вова всё подряд. В основном газеты «Правда» и «Известия», которые выписывали родители. Читал он их вслух и с выражением. Единственным Вовкиным слушателем был его брат Женя.

Именно ему Вова читал какую-нибудь передовицу о том, что президентом Египта избран Анвар Садат. Женька слушал брата внимательно.

– А теперь кубики строить, – заявлял он, когда статья была дочитана до последней буквы.

– Тут ещё про Китай важные новости, – говорил Володя, перелистывая газету, – к ним делегация США приезжает.

– Вначале кубики, а потом Китай, – упрямыствовал Женька.

– Хорошо, – соглашался Вовка, – но потом будем читать про Китай. А ещё потом обед будем есть.

И они принимались строить разные домики из деревянных кубиков, которых в доме было полным-полно. Отец мальчиков работал на местной пилораме мастером.

В один из таких дней, как раз между кубиками и обедом, в дверь дома кто-то постучал.

Вовка встал. Глянул на часы, висевшие на стене. Большая и маленькая стрелки соединились на цифре два.

– Рановато для родителей, – сказал он.

Но прошёл в прихожую. Накинул на себя пальто. Кряхтя, повернул ключ в замке. Открыл дверь.

На пороге стоял мужик. В телогрейке, в валенках и стёганных штанах.

Шапки на голове у мужика не было. Хотя на улице было морозно. Снег искрился своей декабрьской белизной.

– Здравствуйте, – поздоровался Володя.

– Добрый день, – ответил мужик.

Он потоптался. Затем присел. Видимо, для того, чтобы было удобно разговаривать с Вовкой.

– Кто старший в доме? – спросил мужик.

Лицо у него было помятым и небритым. Глаза с красными прожилками. И пахло от мужика не очень приятно.

– Я старший, – подумав, ответил Вова.

– Молодец, – похвалил его мужик и добавил: – А родители на работе? Деньги зарабатывают?

– На работе, – кивнул Вовка, – зарабатывают.

– Молодцы, – мужик улыбнулся, – правильно делают.

Зубы у него были как на подбор, ровные и белые. Вот только пахло изо рта у него скверно.

– А ты хочешь денег заработать? – спросил он у Володи.

– Я ещё маленький, я только читать умею, – ответил тот, закутываясь в пальто.

– Деньги в любом возрасте можно зарабатывать, – мужик поднял вверх указательный палец, – в любом возрасте. Главное, было бы желание и возможности. У тебя есть желание?

– Не знаю, – ответил Вова, – деньгами у нас мама занимается.

– А папа у вас есть? – заинтересовался мужик.

– Есть, – ответил Вова, – но он просто работает. А деньги все маме отдаёт.

– Вот, – мужик поднял вверх указательный палец, – и тебе надо заработать денег и отдать маме. Она очень обрадуется.

– Правда? – спросил Вова.

– Правда, – ответил мужик, – для этого надо что-то продать ненужное. То, что приносит вред здоровью. У твоей мамы одеколон или духи есть? Чем она на себя брызгает?

– Есть, – ответил Вова, – и у папы есть. Он, когда побреется, на себя брызгает. На лицо.

– Неси всё, – сказал мужик, – и быстрее, а то я замёрз уже. Я тебе за одеколон очень много денег дам. Твоя мама обрадуется.

– Хорошо, – сказал Вова и захлопнул дверь.

Он прошёл в родительскую спальню, по пути проверив младшего брата. Тот возился со своими кубиками.

В спальне Вова открыл комод. Достал оттуда два флакона маминых духов. На одном было написано «Красная заря». На другом какие-то иностранные буквы.

Папин флакон он нашёл в ванной комнате. На нём было написано «Лосьон Огуречный».

Вовочка сгрёб все три пузырька и отнёс их на крыльцо.

Мужик, увидев то, что принёс Вова, очень обрадовался.

– Ты молодец, – сказал он, рассовывая флаконы по карманам, – твоя мама будет гордиться тобой. Ты настоящий мужчина, который умеет зарабатывать. Надежда и опора ты. Для всей семьи.

– Деньги давайте, – Вова требовательно протянул руку.

– Конечно-конечно, – засуетился мужик.

Он вынул из внутреннего кармана телогрейки горсть монет и протянул Вова.

– Пересчитай, – велел мужик.

На монетах были цифры и надписи – копейки, копеек, копейка.

Вова перебрал монеты в руке. 5 копеек, 2 копейки. Сколько всего у него было в руке денег, он не знал.

– Маловато, – вдруг хрипло сказал он, – надо больше. Я вам три пузырька дал.

– Молодец, – опять похвалил Володю мужик, – тебе палец в рот не клади. Умеешь торговаться. Держи ещё.

И, порывшись в штанах, мужик вручил Вова ещё 2 копейки.

– Теперь нормально? – спросил мужик.

– Теперь нормально, – кивнул Вова, – и палец не надо мне в рот положить. Я не маленький.

Мужик ничего не ответил. Он вдруг пригнулся. Воровато оглянулся. И всё так же пригнувшись посеял к калитке.

А Вова вернулся в дом.

Он аккуратно разложил на кухонном столе полученные от странного мужика деньги и принялся ждать родителей.

Ему хотелось, чтобы мама пришла как можно скорее. И он бы отдал ей заработанные деньги, и она бы похвалила.

Но минуты тянулись медленно. Так же медленно, как падавшие за окном снежинки.

Вова покормил младшего брата, построил с ним пирамиду из кубиков, почитал сказки.

Потом они долго смотрели в окно на снежинки и на играющих за забором в снежки взрослых ребят.

Стемнело.

Родители пришли домой вместе.

Отец затащил в дом ящик со звеневшими в нём бутылками. Сразу же отнёс его в кладовку.

Мама, раздевшись, принялась выкладывать на кухне продукты из авоськи.

– А это что за деньги тут лежат? – спросила она, увидев аккуратно сложенные на краю стола монетки.

– Да так, заработал немного, – скромно сказал Вова, сидя на табуретке и болтая ногами.

– Интересно, интересно, – выходя из кладовки в кухню, сказал папа, – и как это ты заработал деньги, не выходя из дома?

Мама отложила продукты в сторону и с интересом уставилась на Вова. Тот всё с тем же невозмутимым видом сидел и болтал ногой. Хотя внутри него всё звенело от возбуждения

и от предчувствия похвалы. Сейчас. Сейчас все удивятся, какой он умный и самостоятельный. И похвалят за пополнение семейного бюджета.

– Одеколон наш продал, – сказал Вова, – он и так бы скоро закончился. А денег за него много дали.

И он показал на кучку монет, лежащих на краю стола. После того, как мама выложила на стол продукты, эта кучка уже не казалась такой большой.

В кухне вдруг стало тихо. Родители замерли, глядя на своего предприимчивого сына. Вова скромно сидел на табурете и ждал похвалы.

Первой очнулась мама. Она ойкнула и бросилась в спальню.

Послышался звук отодвигаемых ящиков.

Папа замер посередине комнаты, прислушиваясь к тому, что творится в спальне.

– «Красная заря», – сказала мама, входя в кухню, – бог с ней. Хотя и жалко. Но духи от тётки Шуры. Из Америки. Ты их тоже отдал?

В глазах у мамы стояли слёзы. Лицо её некрасиво кривилось. Голос дрожал.

– И ещё огуречный лосьон, – тихо сказал Вова.

Папа крикнул. Мама заплакала, сев на соседнюю табуретку.

Пришедший на кухню Женя тоже на всякий случай заплакал.

Папа сунул младшему сыну в рот пустышку. Погладил по голове всхлипывающую жену. Сгрёб со стола монеты, пересчитал.

– Двадцать три копейки, – сказал он, – лосьон и то больше стоит. Не говоря уже про твои духи.

– Это не просто духи, это американские духи, – всхлипнула мама, – они бесценны. Их ни у кого нет.

– Это точно, – кивнул папа, – во всей Сибири таких духов не найдёшь. Очень хороший запах. Был.

– Коля, ну сделай что-нибудь, – взмолилась мама.

– А что я сделаю? – отец развёл руки в сторону. – Лосьон и твои духи уже давно выпиты. Да и с кого спрашивать? Вова, как дяденька выглядел, который тебе деньги дал? Во что он был одет?

– В телогрейку, – сказал Вовочка, – и в валенках.

– А лицо у него какое было? – спросила мама.

– Обыкновенное лицо, доброе, – ответил Вова, – от него пахло нехорошо только.

– Нашего Володю арифметике надо научить, – задумчиво сказал папа, – чтобы он знал, сколько чего стоит.

– Больше ничего никому не продавай, – сказала мама Володе, – никому ничего. Обещай мне.

– Обещаю, – сказал Вова и сам чуть не заплакал.

Всё вышло не так, как он думал. Вместо похвалы он получил мамины слёзы.

А мама ещё не раз в течение этого короткого вечера плакала, вспоминая свои духи. Больше всего она жалела американские. Хотя флакончик там был совсем маленький и духов была только половина, в отличие от почти полной «Красной зари».

Утром родители собрались на работу. Закрыли дом на ключ и ушли.

Вова с Женей остались одни.

Володя почитал брату газеты, поиграл в кубики с братом. Они вместе посмотрели в окно.

Снегопад усилился. Ветра почти не было. И снежинки падали вниз не спеша, словно давая полюбоваться собой двум детишкам за окном.

– Красиво, – сказал Вова, – на Новый год похоже. На Новый год мандарины и лимонад дают.

– Лимонад хочу, – отозвался стоявший рядом на табуретке Женя.

До окна он не доставал, поэтому Вова подложил ему на табурет свёрнутое одеяло.

– Нет у нас лимонада, – ответил брату Вова.

– Есть, – возразил Женька.

– Нету, – сказал Вова.

– Есть, – упрямо повторил Женька, – папа вчера принёс. В кладовке лежит.

Вова слез с табуретки. Стащил на всякий случай с соседней табуретки брата. Чтобы тот не упал, не дай бог.

Вместе они прошли на кухню. Дверь в кладовку была не заперта.

В небольшой комнатке с самодельными стеллажами было темно и вкусно пахло. В углу стоял пластмассовый ящик, в котором аккуратными рядами блестели металлическими пробками двадцать бутылок.

Вова подошёл к ящику, выудил из него одну из бутылок, вернулся в кухню.

На этикетке что-то было написано. Но не по-русски.

– Лимонад, – сказал Женя, показывая на бутылку, – хочу лимонад.

Володя порылся в кухонном ящике. Нашёл открывашку с деревянной ручкой. Аккуратно снял пробку с бутылки. Взял чистую кружку и налил туда шипучий напиток.

Иностранный лимонад сильно пенился.

Женька взял кружку и сделал глоток. Лицо его сморщилось.

– Он не сладкий, – сказал Женя, – он испортился.

– Лимонад не может портиться, – ответил Вова и забрал у брата кружку. Отхлебнул от неё.

Лимонад действительно был несладким. Горьковатым. Но приятным на вкус.

Вова залпом выпил всё, что было налито в кружке.

– Вкусно, – сказал он брату.

– Я не буду, – ответил Женька, – я пойду кубики строить.

Вова проводил брата в комнату, вернулся на кухню, допил то, что осталось в бутылке.

Напиток был странным. Раньше он такое не пил.

Лимонад был несладким, но вкусным. Приятно освежал горло. И от него было весело.

Вова сходил ещё за одной бутылкой в кладовку.

Открыл.

Когда пил, захотелось в туалет. Сходил. На обратном пути на кухню споткнулся и чуть не расквасил себе лоб о дверной косяк.

Комната перед глазами медленно плыла. Это было интересно и смешно.

Когда родители вернулись вечером домой, то в прихожей их встретил Женька.

– Я есть хочу, – заявил он.

– А Вова тебя почему не покормил? – спросила мама, стряхивая с пальто снег.

– Он спит, – ответил Женька, – на вашей кровати спит.

– На нашей кровати спать нельзя, – строго сказал отец, – у вас свои кровати есть.

Он прошёл в спальню, где на кровати под одеялом, но в одежде валялся Вова. Пахло в спальне мочой.

Папа откинул одеяло. Под Вовой на белой простыне расплылось огромное жёлтое пятно.

– Коля, иди сюда быстрее, – позвала папу из кухни мама.

Отец опустил одеяло обратно. Наклонился над сыном.

Тот спал. Дыхание было ровным и спокойным. На лбу блестели капельки пота. К запаху мочи добавился запах пива.

Папа обернулся. В дверях стояла растерянная мама.

– Чехословацкое пиво, – сказала она. – Женя говорит, что его Вовочка выпил. Там девять пустых бутылок.

– Он описался, – ответил папа, – вся наша кровать промокла.

– Коля, сделай что-нибудь, – закричала мама, – он же может умереть. Он же ребёнок ещё.

Папа сгрёб мирно спящего Вову и отнёс его в корыто. В корыте с него стянули дурно пахнущую одежду и налили тёплой воды. Вымыли.

Потом мама развела раствор марганцовки, и Вове сделали промывание желудка.

При промывании Вова скулил и плакал. За компанию с ним ревел мешающийся под ногами Женька.

Наконец-то Вову вытерли насухо, завернули в большое банное полотенце, напоили тёплым и сладким чаем.

– У меня голова болит, – сказал Вова, прихлёбывая горячий чай, – и пить хочется.

– Ещё бы не болела, – сказала мама, – почти пять литров пива выпить. Мне его из областного центра по знакомству привезли на Новый год. А он взял и половину выпил. И кровать нашу всю зассал.

– Я думал, что это лимонад, – попытался оправдаться Вова, – мне так Женька сказал.

– Это не лимонад, – подал голос папа, – это для взрослых напитков. Вот поэтому-то у тебя голова и болит. Надеюсь, что ты его больше не будешь никогда пить. Или будешь?

– Вот чуть-чуть полегчает, и могу ещё выпить, – слабым голосом сказал Вова. – Очень мне оно понравилось, ваше пиво. Лучше лимонада.

Этот ответ Вовы почему-то очень развеселил папу.

А маму, наоборот, разозлил.

Она отправила детей спать. А потом ещё долго что-то выговаривала мужу.

Спать они легли на полу, на старом дырявом матрасе. На кровати спать не было никакой возможности. Вовка промочил её насквозь. Этот матрас потом сох неделю на холодной веранде, но так до конца и не высох.

– Я так больше не могу, – сказала мама папе, когда они улеглись на полу. – Эти два бандита завтра нам дом сожгут. Или ещё что-то сделают. Детьми надо заниматься.

– Да, надо, – поддакнул папа, засыпая. – И Вовке, кроме арифметики, надо бы ещё иностранные языки выучить. Он способный.

– Тебе смешно, – рассердилась мама и ткнула папу в бок, – а они завтра дом сожгут.

– Да не сожгут, – ответил тот, поворачиваясь набок, – я все спички спрятал. А детьми да, надо заниматься.

И захрапел.

Мама повздыхала на своей стороне матраса, повздыхала и тоже уснула.

Из Карабулы они уехали весной 72-го года. К бабушке.

Та была на пенсии и всегда могла присмотреть за двумя сорванцами.

Шанхай

В приборостроительном техникуме, где я учился, не было общежития. Поэтому-то мне пришлось все четыре года снимать жильё. Как правило, у одиноких бабушек, живущих в частном секторе города Серпухова.

Один из таких домов, где я учился на 2 и 3 курсах, находился в районе, прозванном в простонародье Заборье. От своего временного места жительства до техникума и обратно я добирался на автобусах. На «тройке» или «восьмёрке».

Именно на остановке автобуса я и познакомился с Андреем. Он учился на параллельном курсе. Жил тоже в Заборье, на две остановки дальше моей.

То ли я у него что-то спросил, то ли он у меня. Разговорились. Познакомились. Обсудили преподав и у кого в группе девчонки симпатичнее. Обычный трёп двух подростков. Нам было по 17 лет. Я, один в чужом городе, вечно голодный. И Андрей, застенчивый и молчаливый широкоплечий парень. Он был на голову выше меня.

Общались мы в основном на длинных переменах и на автобусной остановке. А потом как-то Андрей пригласил меня к себе домой.

– Мама с тобой хочет познакомиться, – сказал он. – Я сказал, что ты живёшь рядом. Приходи. У нас на ужин рыбный суп.

На суп-то я и пошёл. Чего не сходить на домашнее угощение?

Андрей жил в кирпичном доме, состоящем из трёх комнат и кухни. Кроме него там жили его мама, женщина лет 40, и сестра Андрея, подросток 10 или 11 лет, полненькая и молчаливая.

Маму Андрея звали Раиса Георгиевна. Она была высокой, широкой в кости, но очень подвижной и суетливой. Дети, в отличие от неё, были спокойные и неторопливые.

Отца у Андрея не было. Он погиб в автомобильной катастрофе лет шесть назад.

– Угощайся, Вадим, – сказала мне Раиса Георгиевна, наливая суп. – Андрей очень много про тебя рассказывал. Я так рада, что у него наконец-то появился товарищ. А то он у нас нелюдимый.

– Мама, ну ты чего? – покраснел Андрей.

– Кушайте-кушайте, – сказала Раиса Георгиевна, – я потом Вадиму наше подсобное хозяйство покажу.

Мы съели суп, довольно вкусный, попили чай с пряниками, после чего Раиса Георгиевна повела меня показывать своё приусадебное хозяйство. Андрей остался в доме проверять уроки у сестры.

Приусадебным хозяйством оказались несколько рядов теплиц, стоявших за домом. В теплицах было влажно, рядами росли какие-то кусты.

– Салат тут у нас растёт, – начала пояснять Раиса Георгиевна. – А салат – это же сплошные витамины. В мире более тысячи видов салата. Руккола, фриз, батавия. Мы с детьми выращиваем обычный салат. Называется римский.

– Зачем? – прервал я обрушившийся на меня поток информации. – Зачем вам столько салата?

– Как зачем? – удивилась Раиса Георгиевна. – Продавать, конечно же. На одну мою зарплату нам не прожить. Вот и приходится выкручиваться. Людям польза от витаминов, и нам заработок.

– А где продаёте? – продолжил я задавать вопросы.

– На рынке в Серпухове в основном, – ответила Раиса Георгиевна, – иногда в Москву выезжаем. Там и цены повыше, и покупатель побогаче. Да меня сейчас бригадиром поставили на линию. Времени совсем нет. А Андрея одного отпускать с сестрой страшно. Дети они ещё.

– Да какие дети? – возразил я. – Вон Андрюха какой здоровый у вас.

– Это да, – согласилась Раиса Георгиевна, – но только очень стеснительный. Целыми днями только дома и на учёбе. У него даже девушки нет. А ведь возраст-то. Ему бы влюбляться, гулять.

– С таким хозяйством много не погуляешь, – я обвёл взглядом ряды с салатом, – тут пахать и пахать.

– Раньше пахали, когда муж жив был, – кивнула головой Раиса Георгиевна, – а сейчас всё автоматизировано. Вода, удобрения. Максимум час занимает в день на грядках покопаться.

– Тогда да, – кивнул я, – можно и погулять.

– Скажите, Вадим, – Раиса Георгиевна вдруг почему-то перешла на вы, – а у вас девушка есть?

– Есть, – соврал я, – и не одна. Целая куча девушек. Всё никак не могу на одной остановиться.

– Ой, – обрадовалась Раиса Георгиевна, – а вы, может быть, познакомите Андрея с какой-нибудь подружкой одной из ваших девушек? А то так и вырастет одиноким. Я очень за него переживаю.

– Да без проблем, – сказал я, – найдём вашему Андрею подружку. Ближе к весне. Когда снег растает.

– Договорились, – просияла Раиса Георгиевна, – а я тебе чая индийского подарю. Я на чайной фабрике работаю. Любишь чай?

– Люблю, – ответил я, – очень сильно люблю. В месяц пачек десять выпить могу.

– Будет тебе чай, – кивнула Раиса Георгиевна. – Ты, главное, Андрею ничего не говори. А то обидится.

На том и порешили.

Вернулись в дом. Раиса Георгиевна нырнула в одну из комнат. Вернулась с парой пачек дефицитного в то время индийского чая.

– Держи задаток, – сказала она.

– Какой задаток? – насторожился Андрей.

– Да я с твоей мамой договорился, что помогу тебе салат продать в Москве, – соврал я, – в ближайшие выходные.

– Здорово, – обрадовался Андрей, – а то я с этими чемоданами много не увезу. А от сеструхи помощи не дождёшься.

– Какие чемоданы? – удивился я.

– Мы в чемоданах салат возим, – пояснила Раиса Георгиевна, – чтобы салат не помялся. У нас есть старые фанерные чемоданы. В них и перевозим. А ты, Вадик, когда-нибудь торговал на рынке?

– Да я прирождённый торгаш, – рассмеялся я, – с детства. И у меня рука лёгкая. Вот увидите. Продадим ваш салат за пять минут.

И я рассказал про свой первый опыт торговли продуктами питания.

Было это давно. Мне было почти пять лет. Семья жила на Ставрополье. И родителям от завода, где они работали, выделили огородный участок, который отчим засеял чесноком. Каким-то местным сортом. Сорокозубка он назывался. Кум подарил отчиму ведро этой сорокозубки, и из этого ведра ближе к осени выросло несколько мешков отличного чеснока.

Для нашей семьи несколько мешков было много. Поэтому-то отчим с кумом поехали в Пятигорск продавать неожиданный урожай. И меня с собой взяли.

Чеснок был мелкий, и продавали его банками. Насыпали в пол-литровую банку зубчики чеснока, ссыпали в приготовленные пакеты или в авоськи. Взамен получали 20 копеек.

В течение первого часа торговли кум с отчимом продали семь баночек чеснока. Осталось три полных мешка и чуть начатый четвёртый.

– На четыре кружки пива хватит, – сказал кум, – надо обмыть продажу. А то мы так до завтрашнего дня торговать будем. Для процесса плавной торговли сам процесс надо смазать. Желательно пивом. Воблу я с собой взял. Как чувствовал.

– А Вадик? – спросил отчим.

– А Вадик будет товар сторожить, – отозвался кум, – с ребёнком в пивную не пустят.

– А кто будет сторожить Вадика? – не унимался отчим.

– А мы девушку попросим, – нашёлся кум, – которая рядом с нами торгует. Девушка, присмотрите за пацаном? Нам с товарищем отойти надо на полчаса. Мы за это вам мороженое купим.

– Присмотрю, – согласилась 50-летняя девушка с огромной бородавкой на щеке, – только мне мороженое нельзя. У меня гланды большие. Мне семечек купите. Кулёк.

– А можно я чеснок продавать буду? – спросил я.

– Продавай, – сказал отчим, нюхая вынутую из рюкзака воблу кума. – Справишься?

– Справлюсь, – сказал я, – 20 копеек за банку. Я умею считать. 40 копеек за две банки. 60 за три. Рубль за пять банок.

– Вундеркинд, – хмыкнул кум и поспешил к пивному киоску, маячившему вдаль.

Я проводил ушедших мужчин взглядом. Подвинул освободившуюся табуретку к прилавку, забрался на неё. Меня было еле видно из-за прилавка. Роста я был в то время маленького.

– Чеснок! – заорал я во всю мочь. – Свежий чеснок! Дёшево и сердито. Покупайте чеснок. Специальный сорт. Для здоровья и пищеварения.

Соседская тётка, которую кум назвал девушкой, аж подпрыгнула от моего крика.

– Вот оглашенный, – проворчала она, – маленький, а голосистый.

– Чеснок! – не обращая на тётку внимания, продолжал орать я. – Полный набор витаминов в одной головке. Всего за 20 копеек банка.

– Что за сорт? – спросил остановившийся около меня мужчина в дорогом пальто.

Вслед за мужчиной сразу же образовался небольшой заторчик. Не очередь, а так – группа людей. Все прислушивались к моим крикам и последовавшему после них диалогу.

Что за сорт чеснока я продаю, я не знал. Называть его сорокозубкой, как кум, я не стал. Посчитал, что это несолидно.

– Шанхайский сорт, – заорал я мужчине прямо в лицо, – последние китайские разработки в области сельского хозяйства. Один зубик чеснока даёт сорок зубов после уборки урожая.

Моей самой любимой передачей тогда была программа «Время». И лозунги, смешанные с вестями с полей, сыпались из меня органично и в большом количестве.

– Не может быть, – сказал мужчина, – правда сорок? Обычно десять максимум бывает.

– Вы берёте? – спросил у мужчины кто-то из толпы.

– Беру, – сказал тот, – две банки насыпьте, пожалуйста. Шанхайского чеснока я ещё не ел. Тем более у такого молодого продавца.

Я насыпал мужику в кулёк чеснок, взял деньги, кинул их в картонную коробку. Набрал в лёгкие побольше воздуха.

– Шанхайский чеснок! – заорал я. – Прямые поставки из Китая. Полный набор витаминов и минералов.

– Не ори, – попросила какая-то женщина. – Мне баночку.

К моему чесноку выстроилась очередь. Всем было интересно купить неведомый доселе шанхайский чеснок у маленького мальчика, расхваливающего свой товар. Я занялся торговлей: принимал деньги, давал сдачу, насыпал чеснок в банку, а из неё уже в подставляемые кульки, пакеты и сумки.

Как только очередь уменьшалась, я вновь открывал рот и на весь рынок орал про чудодейственные свойства шанхайского чеснока.

Когда спустя минут сорок отчим и кум вышли из пивной, то обнаружили меня сосредоточенно считающим деньги около пустых мешков. Я всё продал. Последние две банки со скидкой уступил соседке с бородавкой. Соседка торговала кабачками. Она попробовала поорать так же, как я, расхваливая свои кабачки, но народ почему-то к ней не пошёл.

Я рассказал эту историю Раисе Георгиевне и Андрею. Они посмеялись. Проводили меня до остановки. И я поехал на своё съемное жильё.

А где-то через неделю-полторы Андрей подошёл ко мне на перемене в техникуме.

– В субботу поедem в Москву? – спросил он. – На рынок.

– Конечно поедem, – отозвался я. – Салаты – это моё призвание. Всю жизнь мечтал продавать салаты.

– Тогда в полчетвёртого утра мы за тобой заедem, – усмехнулся Андрей, – надо на первую электричку успеть.

– А что так рано-то? – удивился я. – Кто в такое время салаты покупает?

– Электричка в 4 утра, – объяснил Андрей, – два часа до Москвы. Потом надо будет ещё до Рижского рынка доехать. Это ещё час. Как раз успеем место занять к открытию рынка. Ты едешь?

– Еду, еду, – проворчал я, – раз обещал, придётся ехать. Обратнo-то когда?

– Когда салат продадим, – ответил Андрей.

Прозвенел звонок на третью пару. Мы разошлись по своим группам.

В субботу я поставил будильник на три часа ночи. Встал. Умылся. Перекусил быстро бутербродом и стаканом чая. Хотелось спать.

Андрей приехал на старых «жигулях», за рулём которых сидел какой-то мужик.

Мы доехали до вокзала. Выгрузились.

Я не ожидал, что салат, оказывается, такой тяжёлый. Четыре чемодана, вынутых из недр «жигулей», были неподъёмными.

Мы, кряхтя и вполголоса ругаясь, дотащили ценный груз до платформы.

Затем закинули чемоданы в подошедшую электричку и поехали. В Москву.

В Москве была пересадка на другую электричку. Затем Рижский вокзал и рынок с одним именем.

Дотащили проклятые чемоданы, застолбили место за прилавком, разложили товар.

Пришёл какой-то человек в спецовке. Андрей дал ему денег, в ответ получил квитанцию.

Ряды постепенно заполнились. Петрушка, картошка, апельсины, яблоки. Товара было много. На любой вкус и цвет.

Андрей куда-то исчез. Вернулся через несколько минут мрачный.

– Ещё в двух местах салатом торгуют, – сказал он, – как будто выращивать больше нечего.

– Ничего, – подбодрил я его, – чужой салат нам не помеха. Мы свой продадим за полчаса. Я же тебе рассказывал. Я гений торговли.

Андрей скептически посмотрел на меня, но ничего не сказал.

В этот момент к прилавку подошёл мужчина. Лицо его мне показалось знакомым.

– Почём ваша трава? – спросил он, брезгливо копаясь в нашем салате.

– Это же из кабачка «13 стульев», – шепнул мне Андрей, – пан режиссёр, по-моему.

– Точно, – ахнул я и, обращаясь к знаменитости, сказал: – Вам за полцены.

Я первый раз в жизни увидел рядом с собой знаменитость.

– Нет уж, – сказал пан режиссёр, – я такое покупать не буду. Несвежий он у вас.

– Он только что с грядки, – возразил Андрей, – что там несвежего? Очень свежий салат.

– Это знаменитый сорт, шанхайский, – влез я в разговор, – количество витаминов и минеральных веществ просто зашкаливает.

– Количество пестицидов в нём зашкаливает, наверное, – не унимался пан режиссёр. – Видно же, что нездоровый цвет у салата.

– Откуда в Шанхае пестициды? – возмущился я. – Там только натуральные продукты. Песчаная почва с богатым содержанием чернозёма. И приятный морской климат. Вы понюхайте, морем пахнет.

И я сунул связку салата знаменитому артисту под нос. Тот понюхал.

– Действительно, морем пахнет, – сказал удивлённо. – Правда с Шанхая?

– Только что с самолёта, – понизив голос, сказал я, – дядя у меня в «Аэрофлоте» работает. Штурманом. Вот и возит периодически салат с Китая.

– Ну давайте две связки, – снисходительно сказал знаменитый артист, – со скидкой.

– Конечно-конечно, – Андрей ловко схватил два пучка салата и завернул их в бумагу, – кушайте на здоровье.

Как только пан режиссёр отошёл от прилавка, я набрал в лёгкие воздух и, как в детстве, заорал:

– Шанхайский салат, небольшая партия, – надрывался я, – редкий вид изумительного продукта. Только сегодня. Недорого. Спешите порадовать своих близких.

– Эй, тут нельзя кричать, – обратился ко мне торгующий напротив нас азербайджанец с апельсинами.

– Почему нельзя? Где это написано? – удивился я.

– В правилах написано, – неуверенно сказал азербайджанец.

– Покажите, – попросил я.

Азербайджанец, естественно, такого пункта в правилах торговли на Рижском рынке не нашёл.

И мы с Андреем продолжили свою торговлю. Я орал, надрывая связки, про бесконечные поля в Шанхае, засеянные изумительным салатом. Андрей отпускал товар и принимал деньги.

Все чемоданы мы распродали как раз к обеду.

Андрей пересчитал выручку. Выдал мне пять рублей. Я вначале не хотел брать. Сговорились на тройке.

– Каждый труд должен быть оплачен, – сказал он. – Я бы эти четыре чемодана тут бы все выходные продавал.

– Хорошо, – ответил я, – давай тогда перекусим и домой.

Мы поели в пельменной при рынке и отправились обратно в Серпухов.

Ехали в электричке, пахнувшей колбасой, положив ноги на стоявшие между сиденьями чемоданы. Хотелось спать. Но мы боролись с дремой разговорами, перекрикивая шум грохочущих рельсов.

– Андрюх, а что, у тебя девушка есть? – спросил я, вспомнив про просьбу Раисы Георгиевны.

– Нету, – ответил он.

– А что так? – продолжил я допрос.

– Да как-то некогда всё, – развёл руками Андрей, – да и не умею я знакомиться. Да и не знаю, где и как.

– Тебе крупно повезло, – засмеялся я, – ведь, кроме торгового таланта, я большой специалист по знакомствам.

– Здорово, – обрадовался Андрей. – А когда пойдём знакомиться?

– Когда у вас в Заборье открытие танцевального сезона? – вопросом на вопрос ответил я. – В парке танцплощадка же есть?

– Через месяц, когда потеплеет, – чуть подумав, ответил Андрей. – Я узнаю поточнее.

– Узнавай, – кивнул я, – первые танцульки наши. Мы возьмём наглостью и неотразимостью. Девки после зимы ничего не соображают, и их можно брать голыми руками.

Андрей с уважением посмотрел на меня.

– А много их у тебя было? – спросил.

– Приличные люди об этом не рассказывают, – ответил я, сделав загадочное лицо.

В тот момент девушки у меня не было. Но Андрею об этом знать было не обязательно.

К сожалению, эта поездка в Москву стала первой и единственной. Раиса Георгиевна с кем-то договорилась, и её салат стали брать оптом прямо с грядок.

А между тем потеплело. Снег окончательно сошёл. На деревьях распустились листья. Девушки надели короткие платья. В воздухе ощущалось какое-то томление и неясная тоска.

Заработала танцевальная площадка в парке имени Олега Степанова.

Мы с Андреем собрались на танцы. Я пришёл к ним домой пораньше. Раиса Георгиевна заметно нервничала.

– Галстук снять, – приказным тоном велел я, – а в остальном хорош. Жених прям.

– Да ну тебя, – покраснел Андрей, – сам-то одеклоном облился, дышать невозможно.

Подначивая и перешучиваясь, мы пришли на танцплощадку. Отдали положенную мелочь в кассу и прошли на огороженный забором заасфальтированный пятачок. На одной стороне пятачка размещалась эстрада. Вдоль забора стояли скамейки. На одну из них мы и приземлились с Андреем.

– Я отойду на минуту, – сказал Андрей и скрылся из вида.

– Руки после туалета помой, – крикнул я ему вслед.

Играла музыка. Передо мной взад-вперёд ходил народ. Или, как пишут в романах, волновалось море человеческих тел.

И вот вдруг это море внезапно остановилось и расступилось.

На площадку перед скамейкой вышли два парня. Оба громадные, под два метра ростом каждый. Левый в клетчатом пиджаке, правый в тельняшке и расклешённых брюках. Вокруг них образовался круг примерно метров пять в диаметре. Я сидел, стараясь не шевелиться. Рядом со мной никого не было, а убежать в толпу было поздно.

Один второму что-то сказал. Второй ответил. Что именно говорили, из-за музыки не было слышно.

Вдруг пиджак размахнулся и со всей силы ударил того, кто в тельняшке, по лицу. Я бы от такого удара, наверное, сразу бы умер. Но тельняшка даже не шелохнулась. Он только сплюнул и ударил в ответ.

Костюм так же оказался крепким парнем. Потряс головой и ударил тельняшку. Опять по лицу. В тельняшке опять сплюнул и вломил клетчатому сбоку по уху. Клетчатый отшатнулся. Сделал шаг назад. Сказал что-то тельняшке. Развернулся и скрылся в толпе.

Парень в тельняшке опять сплюнул. Повернулся в мою сторону. Сделал шаг ко мне. Наклонился и, взяв за горло, поднял в воздух. Ноги мои оторвались от земли.

– Ты кто? – спросил тельняшка. – Я тебя не знаю.

Я что-то промывчал в ответ, стараясь вдохнуть хоть капельку, хоть щепотку воздуха. Дышать, а тем более говорить, было нечем. Было страшно. Убьёт или покалечит? Только это меня интересовало в тот момент.

– Витька, это мой приятель, он не местный, – услышал я голос Андрея, – отпусти его, пожалуйста.

Я почувствовал под ногами асфальт. Хватка тельняшки ослабла. В лёгкие пошёл воздух.

– Вижу, что не местный, – сказал Витька. – Из Москвы?

Судя по всему, москвичей парень в тельняшке недолго любил.

– Нет, не из Москвы, – ответил Андрей.

– Из Тулы? – пальцы на моём горле напряглись.

Туляков, насколько я понял, тельняшка не любил ещё сильнее, чем москвичей.

Внезапно музыка смолкла. Возникла пауза между танцами. И поэтому ответ Андрея, старавшегося до этого перекричать музыку, вышел особенно громким.

– Он из Шанхая, – заявил Андрей.

– Правда? – Витька окончательно отпустил меня. – Иностранец? Из Шанхая?

Я кивнул, не в силах вымолвить слово. Горло болело, и мучительно хотелось в туалет.

– Из Шанхая, – подтвердил Андрей, – в гости приехал по обмену.

Витька уважительно посмотрел на меня. Я попытался улыбнуться в ответ.

– Ну тогда пусть живёт, – милостиво разрешил Витька, – раз из самой Америки приехал. Извини, что помял немного.

И, похлопав меня по плечу, могучий Витька скрылся в толпе танцующих. Объявили следующий танец.

– Ты откуда его знаешь? – спросил я Андрея, сбегав в туалет и смыв с лица липкий пот страха.

– Он мой сосед, – ответил Андрей. – Мы знакомиться когда будем? С девчонками.

– Прямо сейчас и будем, – ответил я. – Иди за мной и делай, как я. Главное нам опять с мальчиками не познакомиться. Не все же они твои соседи.

Мы принялись кружить по площадке, перемещаясь по кругу против часовой стрелки. И на втором заходе я увидел их. Рядом с эстрадой. Двух девушек, одиноко стоящих в толпе. Обе черноволосые. Одна повыше, вторая пониже и поплотнее.

– Такие красивые и не танцуете, – подошёл я к ним. – Почему?

Сзади в затылок мне дышал Андрей.

– Не с кем, – ответила низенькая, – мы тут первый раз и никого не знаем.

Высокая девушка лишь смущённо улыбнулась. Она была на несколько сантиметров выше меня. Но по росту была как раз для Андрея.

– Вам жутко повезло, – между тем продолжил я, – мы тут с приятелем проездом из Шанхая. И тоже никого не знаем. Давайте не знать вместе?

В этот момент грянула музыка. Заиграли вальс. Я схватил низенькую за руку и повёл танцевать. Андрей потоптался немного возле её подруги. А потом и они закружились в танце.

Низенькую звали Ирина. Высокую Светлана.

Мы протанцевали с ними до самого закрытия. А потом отправились их провожать. В общежитие медицинского училища, где они жили. Проводили, договорились встретиться в следующие выходные.

Но в следующие выходные мне пришлось ехать домой помогать родителям сажать картошку. Весна же.

Ирину я так больше и не увидел. Да я особо и не переживал по этому поводу. Весной очень много симпатичных девчонок. Выбирай на любой вкус.

А вот Андрей начал встречаться со Светланой. Он ходил на свидания, дарил цветы. Как-то раз познакомил свою любимую с мамой и сестрой.

После техникума он ушёл в армию. Служил в погранвойсках. Мы изредка переписывались.

После армии он вернулся, и они со Светланой поженились. У них родились две девочки. С разницей в три года. Девочки выросли, вышли замуж. И у Андрея со Светой уже внучка и два внука.

Но это было потом.

А тогда, до самого окончания техникума, я получал от Раисы Георгиевны каждый месяц по три пачки индийского чая. Со слоником на упаковке.

Индийский чай был тогда в дефиците. Он был душистый и вкусный.

Но я в шутку называл его шанхайским.

Ленка

Познакомились мы на танцах. На обычных деревенских танцульках. Под магнитофон и цветомузыку. Это был 1984 год. Или 85-й. Не помню.

Нас было трое друзей: я, Женька и Игорь. И мы пришли на танцы в эту деревеньку под Серпуховым. Потому что там жила Женькина подружка. Пришли, выяснили отношения с местными пацанами, распили с ними бутылку красного и остались на танцы. Познакомились с Ленкой. Она была весёлая и бесшабашная. И после танцев притащила нашу троицу к себе домой. Потому что на автобус мы опоздали, и потому что её мать была в командировке.

Чинно-благородно попили на кухне чаю. Потом Ленка расстелила нам необъятный диван в большой комнате. А сама отправилась в мамину спальню. По пути шепнув мне: приходи, покувыркаемся. Естественно, как только мои друзья захрапели, я прокрался в соседнюю комнату и... мы покувыркались. Ленка была хоть и неопытной, но ненасытной и выносливой. И очень привязчивой.

Понеслась у нас любовь. Я на выходных приезжал к ней в деревню и иногда оставался ночевать. Когда матери не было дома. Но обычно Ленка после школы садилась на автобус и ехала в Серпухов. Там добиралась ко мне домой, и мы кувыркались. Я учился на последнем курсе техникума. И так получилось, что снимал комнату в частном доме. И жил в этом доме один. Хозяйка, старенькая-престаренькая старушка, которая несколько лет назад пустила молодого студента жить в пустующую комнату, умерла. И её наследники решили, что пусть уж я доживу в доме до окончания учёбы. Заодно и присмотрю за недвижимостью.

– Только баб в дом не водить, – строго приказали мне родственники.

– Ни за что, – честно ответил я. И через месяц познакомился с Ленкой.

Она приезжала ко мне в четвёртом часу дня. Врывалась в дом, обнимала и, заглядывая в глаза, тянула: покувыркааааемся? И мы кувыркались. Потом она собиралась, бежала на последний семичасовой автобус, чтобы на следующий день вновь появиться на пороге со своим извечным вопросом. В выходные она оставалась на ночь.

Поначалу мне это очень нравилось. Секс каждый день для студента в то время – мечта. Но проблема заключалась в том, что я был не просто студент, а бедный студент. И мой обед обычно состоял из батона белого хлеба и чая. И калорий для сексуальных утех мне уже через пару недель стало катастрофически не хватать. Мне постоянно хотелось жрать, и уже не хотелось кувыркаться. Точнее, хотелось, но сначала было бы неплохо пожрать. Но Ленка этого не замечала. Она приезжала, как электричка, строго по расписанию, и, глядя на меня

своими блядскими глазами, тянула: покувыркааааемся? И я, глядя в её глаза, соглашался. Ну как тут можно было отказать?

Всё это продолжалось до одного зимнего вечера, когда Ленка обнаружила, что у нас есть в запасе минут 40, и предложила покувыркаться ещё раз. Но тут я не выдержал. Холодным и решительным тоном я сказал: нет. И потом популярно объяснил, почему нет. Рассказал про белый хлеб, про последний килограмм картошки в подвале и про постоянное чувство голода. Ленка, не перебивая, внимательно меня выслушала.

– Я всё поняла, – сказала она просто и чмокнула меня в щёчку, – я тогда побежала, мне к подруге надо заскочить перед автобусом. А завтра суббота.

И она упорхнула, оставив меня одного. Помахав ручкой на прощанье.

Если честно, я даже обрадовался. Мой истощённый организм требовал отдыха, а учёба требовала немного внимания хотя бы к основным предметам. И ещё были друзья, с которыми я тоже хотел встречаться. Поэтому первое, что я сделал, это сбегал к ближайшей телефонной будке и пригласил двоих приятелей на завтрашний вечер в гости. Чай попить и на гитаре поиграть. Насладиться чисто мужской компанией, так сказать.

Но насладиться мне не пришлось. На следующий день в обычное время на пороге появилась Ленка. В руках она держала два баула. Отодвинув меня в сторону, она прошагала на кухню и вытащила на божий свет кастрюлю и несколько свёртков. Затем она разогрела мне борщ, пожарила котлеты и заставила всё это съесть. И я съел. И попросил добавки. И получил её.

Я сидел на кухне, гладил свой раздувшийся живот и глупо улыбался.

– А компоот? – протянул, кривляясь.

– Да, да, сейчас, – Ленка нырнула в баул, вытащила из его недр термос и налила что-то в кружку. Это что-то было компотом. Настоящим компотом. С дымком. Из сухофруктов. Я обалдел. Я пил этот компот и прощал Ленке всё. Её глупость, её рассказы про своих деревенских подруг, её неуёмную тягу к сексу. Я отпускал ей все грехи. Я был сыт и счастлив. И Ленка это поняла. Она подошла ко мне, поцеловала и протянула знакомое: покувыркааааемся?

– Ща компот допью и пойдём, – пообещал я. Я был готов с ней кувыркаться хоть всю ночь. Тем более, судя по всему, она на ночь и оставалась.

Но только мы разделись в моей спальне, как в окно раздался требовательный стук. Пришли мои два друга, Игорь и Мирон. Пить чай и играть на гитаре, которую я в то время пытался освоить. Пришлось открыть.

Ребята расселись на кухне. Ленка тут же организовала им остатки борща и по котлете. Они жадно набросились на еду. Они были тоже студентами. Но у них не было Ленки.

– Кушайте, пацаны, – сыто бубнил я, поглаживая Ленкину острую коленку. А она глядела на меня и молча спрашивала: а как же покувыркаемся? Взгляд был красноречивее любых слов.

– Вы это, – сказал я, – как поешьте, гитару настройте пока и прошлый урок повторите. А мне надо с Леной кое о чём переговорить. А вы пока поиграйте. Игорёк, ты говорил, новые песни «Машины времени» разучил.

И я нырнул с Ленкой в спальню. Она прижалась ко мне и жарко зашептала:

– Какой ты молодец, а то я уже вся мокрая...

И мы начали кувыркаться. При этом Ленка, как обычно, полностью отключилась от окружающего мира. Было такое впечатление, что все её чувства концентрировались только в одном месте, всё остальное её не интересовало. И, естественно, она не слышала, что вместо блатных аккордов за стенкой просто бессистемно перебирают струны. Но это заметил я. Выглянул из-под одеяла и увидел, что в щели между дверью и стенкой блестит чей-то глаз. Чей именно – Игорька или Мирона – понять было невозможно. К этому глазу

скоро присоединился ещё один. Гитара что-то всхлипывала за дверью, а глаза блестели в темноте.

– Вот сволочи, – возмутился я, – совсем оборзели. Ну, я вам сейчас устрою...

И я устроил.

– Жарко мне, Леночка, – прошептал я и сбросил одеяло...

Когда я минут через двадцать, кутаясь в халат, вернулся на кухню, моим глазам предстала следующая картина. Бедная гитара валялась в углу с оборванной третьей струной. Рядом с ней валялся табурет. Два моих друга сидели почему-то на полу с красными физиономиями. По физиономиям тёк пот. Первым очнулся Игорёк.

– Мне пора. Уроки надо сделать, – пробормотал он и ринулся на улицу.

– Так ведь завтра выходные, – попробовал остановить я его.

– Много задали, – оттолкнул меня Игорь и, надевая на ходу пальто, захлопнул дверь.

Мирон продержался минут десять. Он доел борщ, выпил чай. Но когда в комнате появилась Ленка, удовлетворённо позёвывая, он тоже не выдержал. Сослался на внезапно заболевших родственников и отбыл. Отбыл боком, стараясь прикрыть раздувшиеся в районе паха штаны.

– Чего это они? – удивилась Лена.

– Решили не мешать нам, – ответил я, скрыв истинную причину их бегства, – друзья у меня деликатные до ужаса.

– Классные у тебя они, – улыбнулась Ленка и добавила: – Покувыркааааемся?

Кувыркались мы ещё около месяца. Сценарий был один и тот же. Ленка приезжала с торбами. Накрывала на стол, кормила меня. Потом мы занимались сексом. Потом я провожал её на автобус и, умиротворённый, шёл делать уроки или читать книжку. И в принципе, мне это нравилось. Единственный минус был в том, что нас объединял только секс. Больше ничего. Ни поговорить, ни фильм посмотреть, ни музыку послушать. Она ничем не интересовалась. Вообще.

И я заскучал с ней. Хотя сытая жизнь радовала. И регулярный секс тоже радовал. Но было скучно. Наступала весна, и хотелось любви и взаимопонимания. И я решил порвать с Ленкой. На выходных. Но предварительно сводить её в кино. Тогда как раз в прокат вышел фильм «Любовь и голуби». На него-то я её и пригласил.

Пошли на дневной сеанс. Народу было немного. Билеты, как обычно, взяли на последний ряд. И это была главная моя ошибка. Как только погас свет, Ленка начала приставать ко мне. Лезла целоваться и обниматься. Весь фильм. Отличный фильм, который, однако, я с тех пор на дух не переносу. И всё из-за Ленки.

После сеанса на улице перед кинотеатром я это всё ей и высказал. Что в мире есть много интересного, кроме кувырканий. И что готовит она отлично, но мне нужно ещё что-то для души. Что именно нужно, я не смог толком сформулировать, но Ленка меня поняла. Она заплакала. Поплакала несколько минут, стоя передо мной, уставшим и растерянным. Затем вытерла слёзы, чмокнула в ухо и убежала на автобус.

– Не провожай, – крикнула.

И уехала.

А я остался. Перешёл опять на чай с булкой. Занялся более плотно учёбой. Как-никак был последний год моего обучения в техникуме. Наступало время написания диплома. И я решил совместить это самое написание с работой. Устроился на центральный телеграф разносчиком телеграмм.

Работа была непыльная. И, как выяснилось, весьма денежная. Обычно развозить телеграммы отправляли на прикомандированных к телеграфу такси. Каждый день дежурило две или три машины. А посылали отвозить не одну телеграмму, а сразу пачку, по маршруту. И по нормам на каждую телеграмму отводилось 11 минут на доставку. Я был молод и скор,

и поэтому развозил все телеграммы в рекордные сроки, сокращая нормативы в два, а иногда и в три раза. Оставшееся время мы с водителем тратила на то, чтобы подвозить пассажиров. Плату за проезд, естественно, брали себе, поделив пополам.

У меня появились деньги. Чай с булкой ушёл в прошлое. Я стал нормально питаться. Мой диплом за скромную плату прилежно писали и чертили две симпатичные тетеньки из конструкторского отдела местного радиоаппаратостроительного завода. Благодаря тому что я разносил телеграммы, проблем со знакомствами с девушками я не испытывал. Наступил месяц май.

Я сидел на пассажирском сиденье Волги, припаркованной около центрального телеграфа, и ждал, когда мне сформируют заказ из кучи телеграмм. Чтобы мы не мотались туда-сюда из-за одной-двух телеграмм, нам обычно подбирали их штук 10—20 в одном районе. И мы с таксистом уматывали часа на три развозить этот пакет поздравлений, извещений о смерти, признаний в любви и просьбах о деньгах.

Стояла жара. Окна в машине были опущены, передние двери открыты. Водитель такси, Василий, разбитной и весёлый мужик лет 30, был сегодня немногословен.

– Случилось чё? – спросил я Василия.

– Уху, – отозвался он.

– Чего?

– Да так, глупость одна, – протянул Василий, – любовницу вчера потерял. А классная была...

– Умерла? – удивился я.

– Бог с тобой, тьфу-тьфу-тьфу, – сплюнул Вася, – ты как скажешь тоже, студент. Жива-здоров.

– Ну а что тогда? – не отставал я.

– Да длинная история, – сказал Василий, – я сам ещё в шоке от произошедшего. Так перед любимой женщиной опростоволоситься.

– Время у нас есть, полно, давай рассказывай, – я был заинтригован, – тем более все живы и здоровы. Колись.

И Василий не торопясь, подыскивая слова и переживая каждый момент, рассказал, что с ним произошло накануне.

А накануне была отличная погода, и его любовница, разведённая и одинокая девушка Маргарита, решила поклеить новые обои в своей комнате гостиничного типа. Обои были чехословацкие, и достала она их по большому блату. Василий, как истинный джентльмен, решил ей с этим делом помочь.

Отправив жену и детей на дачу, он с утра мотнулся на рынок, купил зелени, баранины, бутылочку молдавского вина. Затем приехал, развёл в тазике клейстер и принялся клеить обои. Маргарита хлопотала на кухне, изредка помогая Васе в поклейке обоев.

За два часа управились. Комната преобразилась. Василий аккуратно сложил обрезки, вылил остатки клея и помог с сервировкой стола. Блюдо с дымящейся бараниной стояло посередине журнального столика. Рядом лежали нарезанный лук, кинза и петрушка. На отдельной тарелке расположились красные помидоры и маленькие колючие огурчики. И над всем этим возвышалась бутылка «Букета Молдавии».

Помыли руки. Сели. Поели. Выпили по одной. За ремонт. И за чехословацкие обои. Вино было какого-то подозрительного вкуса. И совсем без букета. Ну да ладно. Главное – это закуска. Поели ещё. Выпили. На брудершафт. Поцеловались. Ещё выпили. Поцеловались. Прямо на диване занялись любовью.

Было здорово. Светлая красивая комната. Хорошая еда. И рядом Василий. Заботливый и нежный. Маргарита расслабилась. Откинулась на диванные подушки, потянулась и... пукнула. Жутко от этого засмущалась. Покраснела вся. Ну как так – ремонт, любовник, только

что обалденный секс, и вдруг пук. Видимо, вино скисло. Василий, видя смущение подруги, решил её подбодрить.

– Да разве так пукают? – засмеялся он. – Это не пук даже, а так, ни о чём. Вот как надо пукать.

И Василий, подняв правую ногу, поднатужился и пукнул. Но хорошая еда и прокисшее вино сыграли с ним злую шутку.

– Понимаешь, – рассказывал он мне, – до потолка уделал. А обои такие больше не купишь. Нету их в магазине. Не говоря уже о запахе. Ну и говно со стены соскребать – удовольствие то ещё. Она-то мне, конечно, помогла. Но когда я домой уходил, то по взгляду понял, что всё. Женщины не прощают засранцев.

Я корчился от смеха на сиденье, стараясь громко не смеяться. Было жалко Васю. И было смешно. Особенно, когда я бросал взгляды на грустную Васину физиономию. Он был расстроен до глубины души. И искренне переживал.

Я отсмеялся. Успокоился. Из телеграфа позвали. Я вылез из машины. И тут увидел в начале улицы знакомую фигурку. Ленка. С каким-то парнем. Выше меня на две головы. Накачанный. Он шёл, приобняв Ленку, а Ленка ела мороженое. Я склонился к окну машины.

– Вася, – попросил я его, – там моя бывшая. С каким-то фраером. Подыграй мне. Пожалуйста.

Василий в знак согласия прикрыл глаза. Я мгновенно залетел в здание в отдел доставки. На столе меня ждала приличная стопка телеграмм с вложенными в них извещениями. Тётя Катя попыталась мне рассказать, куда чего везти, но я отмахнулся. Не первый раз и не маленький. Справлюсь.

Спустился к выходу. Вовремя. Неторопливой походкой вышел из здания. Кивнул оторопевшей Ленке. Подошёл к такси. Чёрт. Пачка телеграмм в руке была ни к селу ни к городу. Положил её на крышу машины. Василий предупредительно открыл передо мной дверь. Ленка сделала вид, что ей в туфельку попал камешек. Её спутник бестолково топтался рядом, не понимая, что происходит.

– Вадим Николаевич, куда едем? – громко спросил Василий. – В центральный ресторан обедать или на Оку, может быть. Погода располагает.

Я помедлил. Ленка ожесточённо искала в своих туфлях несуществующие камешки. Василий с непроницаемым лицом ждал моего решения. Качок держал в руке Ленкино тающее мороженое. В небе светило солнце и пели птицы.

– А поехали в Москву, – изрёк я, наконец, – по магазинам прошвырнусь. Заодно и пообедаем.

Сел в машину. Василий захлопнул за мной дверцу и трусцой вернулся на место водителя. Я выставил в открытое окошко локоть и откинулся в кресле. Ленка стояла в одной туфле, качок пытался спасти остатки мороженого и свои штаны, к которым это самое мороженое старалось прилипнуть.

– Гони.

Взвизгнули покрышки, и машина ринулась вперёд. Над улицей вспорхнули белыми птицами 22 телеграммы и 22 извещения к ним. Листопад в мае – из телеграмм, которые я оставил на крыше Волги и про которые тут же забыл. Проехав несколько метров, Василий ударил по тормозам. Весь квартал за нами был усыпан белыми листочками. Я на негнущихся ногах вылез из машины и бросился подбирать телеграммы. Где-то далеко смеялась Ленка.

Нашёл все 22 телеграммы и почти все извещения, кроме одного. Сбежал обратно на телеграф, попросил тётю Катю выписать новое. Выписала, глянув на меня с жалостью. Свидетелями моего позора было всё отделение. Сел в машину. Сказал Василию ближайший адрес.

– Ну что, пукнул? – хмыкнул он.

– Чего? – не понял я.

– Пукнул перед девушкой? – засмеялся Василий.

– Аха, – я улыбнулся, – уж пёрнул так пёрнул. Прямо как ты вчера. Гони, Василий. Мы и так опаздываем.

И мы погнали развозить телеграммы. Развезли все. Настроение у обоих постепенно улучшилось, хотя я и выслушал пару упрёков в том, что долго их развожу.

Приехали в последний адрес. Новостройка. Лифт, как обычно, по закону подлости, не работает. Бегом поднялся на девятый этаж. Дверь открыла молодая и симпатичная девушка. Лет 17—18. Голубые глаза, русые волосы.

– Аникина Елена. Это вы? Вам телеграмма. Распишитесь.

– Да, это я. Спасибо.

Она расписалась на извещении и протянула мне ручку. Я в ответ поздравительную телеграмму. От родителей. Из квартиры вкусно пахло.

– Девушка, на улице жарко очень, – сказал я, – у вас попить не найдётся? А то так есть хочется, что аж переночевать негде.

– Сейчас принесу, – засмеялась она, да вы проходите, не стойте в дверях.

– Вадим, – представился я, переступив порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.